

ДРУГ, ПОЭТ И ЖУРНАЛИСТ

Очень грустное сочетание дат: как раз перед родительским днем, предвещающим Троицу, Дмитрию Петровичу Гоосену исполнилось бы 73 года. Есть повод еще раз вспомнить об этом человеке, хотя для тех, кто его знал, и повода не надо...

Он был человеком, в котором органически сочетались самые разные стороны человеческой личности. На самой заре своего профессионального становления как агронома он с немалым усердием и успехом осваивал труд поэтический. Сын Дмитрия Петровича Константин Дмитриевич предоставил мне некоторые материалы из семейного архива. Среди них — письмо литконсультанта «Сталинской смены» Эдмунда Иодковского (газета была органом Алтайского крайкома и Барнаульского горкома ВЛКСМ), датированное 16 апреля 1956 года. Иодковский — выпускник факультета журналистики МГУ, он в 1954 году приехал на Алтай и два года работал в его центральном печатном органе, ездил по краю, писал очерки и стихи о целлинниках. А его песня «Едем мы, друзья», положенная на музыку композитором Ваню Муромовым, стала настоящим гимном тех легендарных лет. Переписка Д. Гоосена и Э. Иодковского была достаточно обширной, откровенной и доброжелательной, и это письмо — видимо, одно из первых. «Рад был получить твоё письмо. Стихи «Выпускникам-агрономам» мы напечатали еще 8 апреля. К сожалению, оборвали конец — ничего не поделаешь. Но думаю, что врезка испугает некоторую незавершенность стиха. Во всяком случае, оно висит сейчас на доске лучших материалов за неделю». Когда творение внештатника признается лучшим за неделю

— это серьезно, особенно если учесть, что этому внештатнику было всего 21 год.

Подозревать, что добрый отзыв продиктован только дружескими отношениями, нельзя, потому что следующим в хронологическом порядке идет отзыв литконсультанта из этой же газеты И. Фролова: «Вы, видно, не новичок в поэзии...» А Дмитрий Петрович в то время был новичком не только в поэзии, но и в жизни. Но новичок новичку рознь, и не всегда тот, кто подает большие надежды, оправдывает их потом, потому что для этого нужна не только искра Божья, особое мировоззрение, но еще и огромный труд. И опять же — неистовые усилия не принесут успеха в литературном творчестве, если нет этой искры Божьей, если не ЖИВЕШЬ поэтом, а просто пытаешься им стать.

В том же году, и тоже в мае, Дмитрий Петрович получил отзыв из журнала «Смена»: «Да, сочинять стихи Вам стоит. Если принять во внимание, что этим делом Вы занимаетесь всего полгода, то успехи с лихвой покрывают недостатки, неизбывные у всякого начинающего поэта. Мысли в присланных опытах свежие, интересны и выражены энергично, с огоньком».

Э. Иодковский в письмах настоятельно советует Дмитрию Петровичу переезжать в Москву, обещает прописать у себя на даче, но не менее настойчиво твердит: сначала выпусти первую книгу стихов. И приезжать лучше не обремененным семьей... Но Дмитрий Петрович встретил

Журналисты «Знамени Ильича» А. Другов, Д. Гоосен и П. Бодунов на отдыхе

Тамару Михайловну, и несмотря на все увещевания Иодковского, что «как бы ты ни был влюблен сейчас, жизнь не потеряла для тебя своего очарования», обзаводится семьей.

Первая книга Дмитрия Петровича вышла в 1966 году в Алтайском книжном издательстве и называлась «Одушевленные предметы», причем составлена была из басен и миниатюр в прозе.

А на смену стези агронома пришла другая — журналистская, и по ней он прошагал 45 лет. Может, я ошибаюсь, но часто творческие люди мечутся между журналистикой и писательской деятельностью именно потому, что две эти сферы приложения творческих сил близки, но одна... поедает другую. Что такое написание стихотворения? Своего рода беременность, когда непонятное что-то населяет твою душу, живет в ней какой-то своей жизнью, а потом вдруг это ЧТО-ТО оборачивается образом, вокруг которого можно не только рифмовать, но и выстраивать другие образы. Журналистика — то же самое. Пока

ты не пропустил через себя — свое сердце, душу, разум — все, что узнал, пока ты не дал своей оценке этому — материал не получится, сколько не сиди и не грызи ручку. Везде работа души. А она у человека одна. И хотя Дмитрий Петрович не пишет об этом, но журналистика — это определенный ступень для поэзии. Второй момент, почему следующая книга стихов Д. Гоосена вышла только в 2002 году, конечно же, «перестроенный»: стихи стали непопулярны как жанр, издавать книги реально стало только на собственные средства. Третью книгу поэт не увидел: узнал от В.Н. Самодурова о смерти Дмитрия Петровича, я привезла ее из Белово только к похоронам...

Я училась у него и поэтическому мастерству, и журналистскому. И сказала вначале, что в нем сочеталось много всего, потому что на его примере знаю, что такое владеть словом, чувствовать язык.

Опять же газетная вырезка из семейного архива — материал «Почему мы так говорим»: «Молодой бригадир из колхо-

за «Искра» однажды в беседе со мной сказал:

— До морозов во что бы то ни стало зачерним все поля! Да, не вспашем, а «за-черним» — и точно сказано, и поэтично».

Не имея специального журналистского или хотя бы филологического образования, Дмитрий Петрович очень чувствовал слово, как ламбурил при каждом удобном случае, будто пробуя слово или звук на вкус, на ощупь...

Когда я начинала работать в «Знамени Ильича», Дмитрий Петрович заведовал отделом писем. Сейчас то я, конечно, осознала его слова: «Много писем — много работы. Мало писем — опять забота: почему люди не пишут в газету?» Он всегда был среди людей, притягивал их к себе, потому что был человеком по-настоящему цельным: талантливым поэтом, крепким и надежным журналистом, увлеченным шахматистом.

Таким мы его и помним.

Татьяна
КОПЫТОВА

Вышла в свет четвертая книга салаирского поэта Анатолия Овчинникова. Называется она

«Золотые россыпи» и посвящена старшему поколению, тем, кто пережил войну, трудные послевоенные годы.

В книгу вошла одноименная поэма, и именно человеческие качества людей старшего поколения автор и называет золотыми россыпями. Лирик по натуре, А. Овчинников включил в книгу и произведения о природе, любви.

Троица

Троица — земная благодать.
В Божьем храме — истина
воспетая.
В летнем дне — молитва
природная
Красотой, что глаз
не оторвать.

Все цветет, но сердцу
больше хочется,
Хочется людскую боль
согреть.
А душа поет, душа
возносится.
Дай, Господь, молитву ей
допеть.

Троица — молитва наша
чуждая —
Воля Бога, Духа и Христа.
Хоть дорога жизни
многолюдная,
С Троицей душа всегда
чиста!

Где ты — светящее лето?

Где ты, ушедшее лето?
Осень багряная светится
в нас.
Песня ее не допета,
Будто сияние преданных
глаз
В бликах осеннего света.
Осень тревожно волнуется
подчас
И повторяет волненье не раз
Эхом прощального лета.
Вот и зима холодами
звонит
В чистом сиянии света.
Взгляд твой чудесные силы
хранит,
В нем лучезарная радость
сквозит
Свежего сочного лета.
Свет твоих глаз путеводной
звездой
Сердце волнует и зимней
порой
Зноем светящего лета.

Из последней книги Д. Гоосена «Через века и страны»

Перчинки

Пассажир, который ехал зайцем, по-лиси заюлил перед контролером, а когда тот взял штраф, посмотрел на него волком.

Чем громче крикнешь «Эврика!», тем больше будет у тебя соавторов.

Рыба гниет с головы, а чистят ее с хвоста....

Одному мужчине достается в жены полная женщина, другому — неполная...

В семейных баталиях она брала мужа сердечным приступом.

Невезучий я человек! Первый раз выиграл в лотерее — и то проиграватель!

Так здороваются с подчиненными, что им нездоровится.

Прежде чем проглотить обиду, подумай, сумеешь ли ты ее переварить.

Чтобы отдалить старость, снова и снова повторяет ошибки молодости.

Пусть годы берут свое, лишь бы не прихватывали чужое.

Сибирскому виноградарю

Ты с гордостью великой произносишь:
— Я вырастил в Сибири виноград! —
Плоды своих стараний превозносишь,
зовешь знакомых, угостить их рад.

Я пробую... Кислятина, о боже!
Об этой чудо-ягоде, друзья, скажу одно:
Хвалить ее мы можем,
Но есть ее пока еще нельзя.

Овощи-изгой

Их к овощам относят завалящим,
что лучших вроде не знавали дней.
Все говорят: хрен редьки, мол, не слаще,
как уголь, дескать, сажу не белей.

Обидно хрену, что его склоняют,
пытаются острить, кому не лень.
Какие-то, представьте, негодяи
придумали словечко «хренотень».

И редьку оскорбляют то и дело,
на этот овощ глядя свысока.
Неужто всем так сильно надоела?
Неужто так действительно горька?
За поросенка с хреном, редьку с квасом
давнишний заступился бы гурман.

Здоровой пищей Русь могла похвастать,
И был наш русич крепок и румян.

Что ж опыт предков толком не изучим?
Боишься, что какой-то индивид нас укорит в отсталости дремучей,
в квасном патриотизме обвинит?
Исконное отвергли, чтоб другое, нам чуждое приобрести взамен.
Пусть возродятся овощи-изгой,
встряхнет редька и воспрянет хрен!

Лавровый лист (Басня)

Варился борщ из Овощей, что родом как видно, не хватает. — Тут Овощи за гостя и взялись!

попал в кастрюлю незнакомый Лист.
— Ты кто? — спросили овощи сурово.

— Я, — он с достоинством ответил, — Лист Лавровый.
— Вот без кого неполон был наш борщ! — Хихикнул Лук, прищурившись лукаво. — Да больно, братец, бледен ты и тощ — никто тебя и есть не станет, право!
— Меня и не едят: я пряность, я приправа! —
— Ха-ха! Подумал ли, какой несешь ты вздор?! — так со смеху и прыснул Помидор. — Нам, неучам, уж где с тобою спеться: Лавр, Лавр, не знаем мы подобных специй.
— Не знаете? Так я не виноват, А к вам меня послали, я считаю, за мой особый аромат, которого вам всем, как видно, не хватает. — Тут Овощи за гостя и взялись!

— Дерзить нам смеет завалящий лист!

Да он невежда, лгун, нахал он просто! — вскричала Свёкла, побелев от злости.
— И долго нам он будет портить кровь?! — негодовала мирная Морковь.
Картофелине — той была потеха: рассыпчатый она смеялась смехом.
Весь борщ бурлил, кипел, кипел.
Кричат Листу: — Покуда цел, проваливай отсюда, вылезай-ка!

Суд над беднягой был бы крут, да тут его достала из борща хозяйка. Людей не раз встречал я вроде тех Овощей: что чуждо их уму, спешат охаять — только потому, что это не растет у них на огороде.